

The background of the cover is a painting of a man with a full, dark beard and a large, ornate hat with white and blue feathers. He is wearing a blue and white striped garment and holding a small glass. The background features a complex, colorful pattern in shades of red, gold, and brown.

Феликс Чечик

Неформат

Стихотворения

Феликс Чечик

Неформат

«Издательские решения»

2015

Чечик Ф.

Неформат / Ф. Чечик — «Издательские решения», 2015

В новую книгу поэта Феликса Чечика вошли стихи, написанные в 2014 году. Минимализм формы и глубина смыслов – это, если коротко, характерная черта данного автора.

Содержание

«Давай померяемся силами, —...»	6
«Слова мои...»	7
«Обращаюсь к берёзе...»	8
«в моей песочнице...»	9
«Вода точила камень...»	10
«Двух пташек из окна...»	11
«Учиться влом, в любви облом...»	12
«Мне сугробы детства – по плечо...»	13
«Первое, что вспоминается мне...»	14
ОДНОКЛАССНИЦЕ	15
«А крылья мотылька...»	16
«самые вкусные яблоки или...»	17
«Жуки и муравьи, —...»	18
«я оборвал на полу...»	19
«А снега ночное парение —...»	20
«Воспоминания белы...»	21
70-е	22
«Недодано? Более чем, —...»	23
БАБУШКА	24
«Покуда в городской пыли...»	25
«Когда рыдали над прыщами...»	26
«– Не пей с Валерой, – говорил...»	27
«За то, что пил не только квас —...»	28
«Небо было, – хоть убей —...»	29
«Твоё в горошек платье...»	30
«Покуда жил, пока...»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Неформат Стихотворения Феликс Чечик

© Феликс Чечик, 2015

© Геррит ван Хонтхорст, иллюстрации, 2015

Редактор Галина Наумовна Альперина

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

«Давай померяемся силами, —...»

Давай померяемся силами, —
какие наши годы, брат,
покуда путь под Фермопилами
еще не превратился в ад.

Покуда кровь ручьями малыми
еще не вытекла из нас
в сражении неравном с галлами,
где царь Каллипп халиф на час.

И на победе леонидовой
воспитанные соловьи, —
померяемся не обидами,
а силой веры и любви.

«Слова мои...»

Слова мои,
а музыка ничья?
Синицы и
весеннего ручья.
Заката не-
разменный золотой —
звени во мне,
не исчезай – постой.

«Обращаюсь к берёзе...»

Обращаюсь к берёзе,
обращаюсь к сосне, —
как поэзия прозе —
посочувствуйте мне.
Покачайте ветвями, —
не в упрёк, не в укор,
может быть только вами
я и жив до сих пор.
На прощание или
перед встречей, пока
небо не разлюбили
облака и река.

«В МОЕЙ ПЕСОЧНИЦЕ...»

в моей песочнице
непрошенные гости
играть не хочется
и не хватает злости
но хватит мужества
терпения и слова
дрожа от ужаса
построить замок снова

«Вода точила камень...»

Вода точила камень,
и превратила в нож,
что голыми руками
не очень-то возьмешь.

С восторгом страстотерпца
его пригрею я
за пазухой у сердца,
как сирое дитя.

«Двух пташек из окна...»

Двух пташек из окна
я вижу-слышу вечно,
где поздняя – грустна,
а ранняя – беспечна.
Они друг с дружкой не
знакомы, слава Богу,
иначе бы во мне
посяли тревогу.
А так: одна поет,
другая спит на ветке,
а я за годом год
на них смотрю из клетки.

«УЧИТЬСЯ ВЛОМ, В ЛЮБВИ ОБЛОМ...»

Учиться влом, в любви облом,
курить по кругу за углом, —
и на линейке быть распятым.
И чувствовать себя битлом —
незримым пятым.
Слесарить, и качать права,
и водку запивать чернилом.
И аты-баты и ать-два
в ЗабВО метельном и унылом.
Но не подсесть на озверин
от жизни бренной или бранной,
и петь про yellow submarine
бурятке Йоке полупьяной;
и снова ощутить – незрим, —
в своей стране, как в иностранной.
Молчи, скрывайся и терпи, —
живи бездарно и безбожно,
пускай подлодкой на цепи,
но только желтой, если можно.
И в полночь получить с небес
от Джона SMS.

«Мне сугробы детства – по плечо...»

Мне сугробы детства – по плечо.
Холодно, тепло и горячо.
В сторону полметра – с головой.
Холодно. – Спасибо, что живой, —
говорю сегодняшнему. Не
прошлому, которое во мне.
Холодно. Что спрятал – не найду.
А оно лежало на виду.
Столько лет лежало, столько зим.
И сугробы выросли над ним.

«Первое, что вспоминается мне...»

Первое, что вспоминается мне:
цирк-шапито в позапрошлой стране,
и ярко-красное чудо
в перьях на белом коне.

Слышу оркестр или музыку сфер?
Счастье окрест Made in ČSSR.
И на арену сквозь слезы
смотрит седой пионер.

Будто во сне пролетают века.
Скачет и не различить седока
там, где на фоне заката
перистые облака.

ОДНОКЛАССНИЦЕ

Ты, в облегающем трико,
после урока физкультуры
разводишь «химика» легко
на тройку в четверти; амурь
кружат по кабинету и
один из них – залётный, кстати,
бубнит о неземной любви
и неминуемой расплате.

«А крылья мотылька...»

А крылья мотылька,
промокшие насквозь,
нелетные пока —
повешены на гвоздь.
Бескрыло мотылек
от них невдалеке
согрелся и прилег
и спит на потолке.

«самые вкусные яблоки или...»

самые вкусные яблоки или
тыблоки были на братской могиле
вечный огонь бесконечный мотив
млечно-медовый налив
в жизни вкуснее не пробовал этой
паданки солнцем июльским согретой
ливнем омытой как слёзами вдов
вновь вспоминаю и вновь
долго ли коротко ли как ни странно
косточек горечь и запах пропана
нету страны на меня из окна
смотрит огрызком луна

«Жуки и муравьи, —...»

Жуки и муравьи, —
земляне и собратья,
придите же в мои
раскрытые объятия.

Нам с вами по плечу
заоблачные дали!
Топчу, топчу, топчу,
пока не растоптали.

«я оборвал на полу...»

я оборвал на полу
молчала и молчи
из детства радиолу
поющую в ночи
цифирь пришла на смену
убогости былой
и попадает в вену
невидимой иглой
молчала не винила
не проклинала свет
лишь капелька винила
скатилась на паркет

«А снега ночное парение —...»

А снега ночное парение —
обычное волшебство,
но разные: угол и зрение,
и все многоточья его.

И, спавшая чутко, разбужена
и смотрит в окно, не дыша,
на неповторимое кружево
и тающее, как душа.

«Воспоминания белы...»

Воспоминания белы,
как облака над нами...
И запах досок и смолы
на старой пилораме
я вспоминаю вновь и вновь,
а не детали эти:
ужасный вопль, опилки, кровь
и палец на газете.

70-е

Хватит: о воде и вате, —
жизнь одна и смерть одна.
Слониками на серванте
пустота посрамлена.
Выстроились по ранжиру:
раз, два, три, четыре, пять...
Граду посланы и миру.
Улетать? Не улетать?
Улетели друг за другом —
гуси-лебеди мои, —
к африканским летним вьюгам,
к зимним пастбищам любви.

«Недодано? Более чем, —...»

Недодано? Более чем, —
скорее уже – передали.
И я навсегда обречен
любить, не вдаваясь в детали,
в подробности – коих не счесть, —
не вычесть из жизни и сердца.
И некуда деться, и есть,
как бомбоубежище – детство.

БАБУШКА

И хлебные крошки
собрал со стола,
по лунной дорожке
на небо ушла.

«Покуда в городской пыли...»

Покуда в городской пыли
дышал, как рыба, я,
прогнулось небо до земли
под тяжестью шмеля.

И от гудения его
июльский день оглох.
И ничего. И никого.
И шмель летит, как Бог.

«Когда рыдали над прыщами...»

Когда рыдали над прыщами
и слушали «Goodbye, My Love»,
мы брать преграды обещали,
обещанного не сдержав.
Да здравствуют петля и вена,
тоска и хлебное вино,
где погибают откровенно,
уже погибшие давно.

«– Не пей с Валерой, – говорил...»

– Не пей с Валерой, – говорил
мой друг Володя.
А сам, не зная меры пил,
в плену мелодий.

– Не пей с Володей, – говорил
мой друг Валера.
А сам в плену мелодий пил,
не зная меры.

И я не спорил с ними, но
пил с тем и с этим,
и, как закончилось вино,
сам не заметил.

И, как ушёл один, и как
второй в завязке...
А я остался в дураках
из доброй сказки:

полцарства пропил, и в живых
не числясь даже,
соображаю на троих
в ночном трельяже.

«За то, что пил не только квас —...»

А. Ф.

За то, что пил не только квас —
спровадили его,
как Лермонтова на Кавказ
в бескрайнее ЗабВО.

Теперь, ты хоть залейся – пей
во сне и наяву:
вино тоски, абсент степей
и неба синеву.

«Небо было, – хоть убей —...»

Небо было, – хоть убей —
голубее, и
мы гоняли голубей,
а теперь чай.

Зеленой была трава,
слёзы солоней...
Жизнь права и смерть права,
растворившись в ней.

«Твоё в горошек платье...»

Твоё в горошек платье,
мой клёш под пятьдесят,
как новые – в палате
мер и весов висят.

А мы с тобою – пепел
и нас развеял сын.
Конечно: мене, текел,
но вряд ли – упарсин.

«Покуда жил, пока...»

М. – А. М.

Покуда жил, пока
жизнь представлялась длинной,
смотрел на рыбака,
стоящего над Пиной.

И принимал за клев
обманчивые ряби,
и ставил на любовь
и наступал на грабли.

На тополях, вот-вот
воспламенится вата
и не погаснет от
рассвета до заката.

И опадет листва,
и занеможет вьюга,
и мы, как дважды два,
найдем с тобой друг друга...

С тех пор прошли века,
невидимые глазу,
и больше рыбака
я не встречал ни разу.

Мой незнакомый друг, —
надежда и отрада,
ты удочку из рук
не выпускай, не надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.